

♣Annotation

Бывает, уволишься сгоряча и – вуаля! Ты безработная няня, застрявшая в теле бывшей актрисы и в мире, которым правят богатеи вроде Алмазного короля. Фернан Демаре по праву считается самым могущественным человеком Ньерры, обладающим не только золотым запасом магии, но и самым скверным характером на свете. Что же касается меня... Я не хочу иметь с этим мужчиной ничего общего. Но, кажется, у судьбы на этот счет свое мнение, и она постоянно сталкивает нас вместе. Вот только я буду не я, если позволю этой капризной даме диктовать мне условия... и уж точно больше НИКОГДА не окажусь у ног Алмазного короля!

Марина Эльденберт Валерия Чернованова

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Эпилог

♣Марина Эльденберт Валерия Чернованова

Межмировая няня, или Алмазный король

и я. Книга 2

♣Глава 1

Охота на нянь

Ира Илларионова

– Мирэль Тонэ!

Я резко обернулась, ладонями стирая пелену слез, чтобы увидеть надвигающегося Демаре.

– Стой на месте! – последовал приказ.

Да сейчас!

Шагнула назад, намереваясь развернуться и бежать, но подо мной внезапно кончилась земля. Хлипкие ленты с треском надорвались, и я полетела вниз.

К счастью, далеко улететь не успела: тьму надо мной разрезала слепящая вспышка света. Фьють – и магическое лассо обвилось вокруг талии, яростно дернув меня обратно. На грешную землю к ногам алмазного гада.

К ногам. Гада.

Ну это уже прямо дежавю в квадрате.

– Сумасшедшая, – поставило мне диагноз его бриллианство, не спеша протягивать руку, а продолжая сверлить меня мрачным взглядом.

Впрочем, я бы за нее все равно не ухватилась, поднялась своими

силами и, отряхивая юбку, зло процедила:

– Что вы здесь делаете?

– Вас, мирэль Тонэ, могу спросить о том же самом, – сощурился Демаре.

Лассо мягко втянулось в перстень, и гравировка на нем померкла.

– Не имею привычки отчитываться перед незнакомцами.

Попыталась его обойти и почувствовала, как жесткие пальцы впиваются мне в локоть.

– Селани!

На имени Тонэ во мне как будто что-то взорвалось. Атомная бомба, не иначе.

– Ненавижу! – резко обернувшись, прошипела ему в лицо. –

Ненавижу вас... тебя! Видеть тебя не могу и не хочу! И не буду!!! Отпусти сейчас же!

Отпустить отпустил, но не успела я сделать и нескольких шагов, как в спину ударило холодом, способным проморозить не то что холм – всю столицу затянуть льдом.

– Ты все еще работаешь на меня.

Даже удивительно, что в ту ночь на холме Расцвета не появилась вторая статуя, возведенная в честь Иры-попаданки, бывшей актрисы и няни. Тоже бывшей.

О чем я и напомнила маггангстеру, остановившись:

– Работала. Но ты меня уволил, и я с радостью ушла!

Вернее, сбежала, но то неважные детали.

– Контракт еще не был расторгнут.

– Валяй, расторгай, – это уже не оборачиваясь.

Демаре не спешил оставлять меня в покое, шел за мной по пятам.

– С удовольствием. Но не раньше, чем найду новую няню для девочек. Сейчас вы поедете со мной, мирэль Тонэ.

– А если не поеду? – Я с такой яростью ступила на первую ступеньку (одну из многочисленных, что убегали вниз по зеленому склону), что от моего каблука лишь чудом во все стороны не расползлись трещины.

– Мне придется принять меры.

– Меры? – фыркнула я. – Оштрафуешь еще на одну зарплату? Или отвезешь к полисарам? Пожалуйста! Можешь отвозить и штрафовать.

– Тебе надо успокоиться.

– А тебе не надо быть такой сволочью!

– Согласен, на празднике я позволил себе лишнего. – Теперь он шел рядом, своим плечом задевая мое, и от этого мне хотелось не то столкнуть его с холма, не то самой с него покатиться, чтобы оказаться как можно дальше от его чертового величества и не чувствовать, как от его близости все волоски на коже встают дыбом.

– О не-е-ет... – Я снова притормозила, чтобы посмотреть Демаре в глаза, мечтая проделать в его бриллиантовой башке скважину размером с эту самую башку. – Протащить няню своих детей по всему дому на глазах у прислуги – это не лишнее. Это за гранью допустимого.

– Тебе напомнить о том лишнем, что позволила себе ты? – изогнул он брови. – Напомнить, как таяла у меня в руках во время танца, а потом заявила, что тебя от меня тошнит.

Выдохнула. Выдохнула. И, соскребая (уже не соскребаящиеся) остатки выдержки, проговорила:

– Фернан, я не твоя жена, я не твоя любовница. Я тебе никто! Это был всего лишь танец, и я тебе ничего не должна, как и ты мне.

– А до этого были поцелуи, на которые ты отвечала и которых ты

▲желала, — произнес он таким тоном, как если бы находился на совещании с деловым партнером, а не говорил с женщиной, с которой...

Ой, все.

— Как ты меня вообще нашел? — свернула с запретной темы и ускорила шаг, уже всерьез подумывая над вариантом покатиться самой или покатить мируароскотину.

— С помощью кристалла Таари.

Я ни черта не поняла, но в тот момент горячо мечтала расколотить этот самый кристалл о голову его величества.

— Вот с помощью него и ищи себе новую няню.

— Найду — не сомневайся. А пока буду искать, ты будешь заботиться о моих дочерях, — холодное и невозмутимое. — В противном случае с рекомендациями, которые получишь, сможешь надеяться только на работу полomoйки в какой-нибудь третьесортной забегаловке.

— Всю жизнь мечтала работать полomoйкой в какой-нибудь третьесортной забегаловке, — ответила на полном серьезе.

— Ты сейчас не в себе, — не унимался Демаре. — Успокойся, тогда и поговорим.

Вот это уж точно. Я не в себе. Я в теле актрисы, которая непонятно зачем сдалась правителю всея Ньерры.

— Садись в машину, — повторил, когда мы оба (как ни странно, целые и невредимые) спустились по ступеням к маленькой площади, в центре которой поблескивал в свете фонарей фонтан, а чуть поодаль стоял припаркованный автомобиль Демаре.

И больше ни души. Ни людей, ни машин.

Было уже далеко за полночь, до холма Расцвета я добралась пешком, но сейчас идти через добрую половину города одной на своих двоих...

Пусть я и не в себе, но не сумасшедшая, каковой меня считает Демаре.

— Только при условии, если довезешь меня до Маль-Рояля.

И снова нахмуренный взгляд из-под опущенных бровей.

— Вообще-то у меня сегодня выходной, — добавила, пряча на груди руки.

— Садитесь в машину, мирэль Тонэ. Отвезу вас в отель. — С этими словами и каким-то безнадежным вздохом Демаре занял место водителя.

Я устроилась на заднем сиденье, от него подальше.

Ехали молча. Я бездумно пялилась на ночной город, раскрашенный огнями, подсвечивавшими мостовую и аккуратные, как будто нарисованные фасады. Взгляд цеплялся за редких прохожих, за яркие вывески ресторанов, казино и баров. Может, стоило пойти пешком, ничего бы со мной не

▲случилось, ноне уверена, что мне бы хватило сил куда-нибудь дойти.

Сейчас я чувствовала какую-то отупляющую усталость, от которой слипаются глаза и противно гудит голова.

К счастью, его величество оказался не самой последней сволочью из последних сволочей: довез меня туда, куда пообещал. Когда машина остановилась возле бело-красного навеса, с которого начинался вход в отель, я, собрав в кулак последние силы, с трудом выползла наружу.

— Завтра заеду за своими вещами, — предупредила, добавив: — И за рекомендациями полomoйки.

— Зачем вам в Маль-Рояль, мирэль Тонэ? — хмуро спросил Демаре.

— Вы можете спокойно заночевать в своей комнате, а завтра утром соберете вещи. Возможно, за это время успокоитесь и...

— Увы, я опаздываю на оргию, — перебила Алмазного короля. — С участием мируара Шерро и еще кучи мужиков. Но вы, неуважаемый, на нее не приглашены. Всего недоброго!

Пошло все к черту.

С этой жизнеутверждающей мыслью я направилась в гостиницу.

С этим же кредо завалилась спать, даже не раздеваясь. Все, на что меня хватило – это скинуть туфли и рухнуть лицом в подушки. Одну из которых я и обняла, перевернувшись на бок. Подтянула к груди колени и отключилась до самого обеда.

Обед, к слову, мне подали прямо в номер, с улыбками и пожеланиями всего самого наилучшего. Наверное, молоденький официант надеялся на хрустящую купюру за сервис и прочее, но у меня этих купюр было не то чтобы очень много. Поэтому я тоже от души ему поулыбалась, пожелала приятного дня, щедрых постояльцев и добрых хозяев, после чего захлопнула дверь перед заметно скисшей физиономией парня и отправилась топиться в ванной. В смысле купаться.

Хотя вариант с утоплением тоже рассматривался, потому что ситуация, в которой оказалась, была совсем не радужной. Сегодня и завтра до полудня я БОИ – безработная отельная иномирянка, ну а после стану ББИ (иномирянкой безработной и бездомной). Жить в Маль-Рояле, если у тебя за душой одно заложенное кольцо и огрызок аванса, не вариант. Искать гостиницу попроще тоже. А на снятие жилья, боюсь, денег банально не хватит.

Что остается? Само собой, искать работу! Той же няней с проживанием в доме хозяев. А почему бы и нет? Можно подумать, только у Демаре в Мальмаре есть дети и только они нуждаются в гувернантке.

Девочки...

▲ Я опустилась на бортик ванны, подтянула повыше полотенце, в которое завернулась после купания, и шмыгнула носом. Я старалась о них не думать. Честно старалась. Но не думать не получалось. Как они восприняли известие о моем исчезновении? Обиделись ли, переживают? Что сейчас чувствуют...

Вчерашний день должен был стать для них одним из самых счастливых, а мы с Демаре (вернее, конечно же, один Демаре!) его испортили. Испортил. Только ради того, чтобы с ними попрощаться, я должна вернуться в дом алмазного тирана. С Реми поиграть в последний раз. И крепко-крепко обнять своих малышей...

На этой мысли я резко подхватила себя и отвесила себе воображаемый подзатыльник. Они не твои малышки, Ира! Твои воспитанники, твоя жизнь, твой мужчина остались в другом мире.

В твоём мире.

А здесь ты пришлая, чужачка, которой в первую очередь нужно просто выжить. Возможно, Миша услышал мой к нему отчаянный крик, по крайней мере, я на это очень надеялась. Главное, чтобы поверил, чтобы начал искать. И я тоже не сдамся. Найду способ попасть в это их Ланси, с Шертонэ или без нее, разыщу потомка племени, перерою все местные библиотеки... Что угодно! Но отыщу обратную дорогу на Землю.

Главное, чтобы в процессе поисков мной не заинтересовались агенты МОРГа.

Отмахнувшись от этой мысли, я перетащила поднос на балкон и, опустившись в плетеное кресло, с жадностью набросилась на еду. Пока ублажала свой желудок, любовалась ясным чистым небом, незаметно втекавшим в Азалийское море. Как всегда, голубое и безмятежное, оно простиралось до самого горизонта, омывая светлые, словно бархатные, берега Мальмара. А я ведь еще ни разу не бывала на пляже...

Пойду! Сразу после того, как попрощаюсь с девочками. Накуплю газет, сяду на берегу и буду просматривать колонки с объявлениями.

Подумывала также вернуться на холм и поискать руны, но мадам Лилит сказала, что я лишь раз смогу связаться со своими близкими, а потом руна станет бесполезной.

Так ли это — не знаю, но на холм Расцвета возвращаться мне совершенно не улыбалось. Не хочу быть там и вспоминать о том, что случилось вчера. Это все в прошлом. Как и Демаре с его заскоками и приступами беспричинной ревности.

Плотно поев, я привела в порядок платье (после очередного приземления к ногам бриллиантового супостата оно было не в лучшем состоянии), уложила волосы по здешней моде, став похожей на кинодиву двадцатых годов прошлого земного века. Сунув в сумочку местные деньги, брони, в последний раз взглянула на себя в зеркало, на синеокою красавицу Селани Тонэ, к телу которой уже, кажется, почти привыкла.

Отвесив себе еще один мысленный подзатыльник (чтобы не привыкала дальше), вышла из номера и отправилась к Демаре. Пешком, потому что решила не тратиться на такси.

Всего каких-то полчаса прогулки по чистеньким, аккуратным зеленым улочкам, и вот уже стою у ворот дома кошмаров. Ладно, не буду перегибать палку — случилось в этом доме со мной и приятное, в основном связанное с близняшками. Но было много итогов, о чем не терпелось забыть.

Одно такое «забыть» открыло мне дверь и возмущенно выдохнуло:

— Мирэль Тонэ!

Словно я одним своим видом посмела его оскорбить.

— А вы не изменяете себе. — Подвинув дворецкого, потому что тот и не думал отходить в сторону, я вошла в просторный холл.

Вошла с желанием скорее из него выйти и услышала ехидное:

— Пришли на новое собеседование? Не уверен, что на этот раз мируар одобрит вашу кандидатуру.

— Не уверена, что в этот раз сдержусь и не тресну вас вот этим, — взглядом указала на ладонь Жужжена, удерживавшую поднос с напитками.

Из гостиной доносился негромкий гомон, но выяснить, что там за сборы, я не успела. Заметила показавшихся на вершине лестницы девочек и позабыла обо всем на свете.

Особенно когда они, заулыбавшись, с радостным визгом:

— Мирэль Тонэ! — понеслись ко мне.

Кристин и Аделин сбежали по ступеням розовым и голубым метеорами.

— Вы вернулись! — издала победный клич первая близняшка.

А вторая счастливо добавила:

— А я и не сомневалась!

— Мы так и сказали папе: нам не нужна никакая другая няня.

— И мы знали, что вы останетесь с нами. Знали!

Девочки счастливо рассмеялись.

Наверное, только присутствие Жужжена, с кислой миной наблюдавшего за тем, как я обнимаю малышей, не позволило мне разреваться. Хоть глаза щипало, и в груди тоже что-то пощипывало. Больно так, противно.

▲ Отвратительное ощущение.

— Девочки... — Я не сдержалась, поцеловала Аделин в щеку, крепче прижала к себе Кристин.

— Пойдемте с нами, мирэль Тонэ! — схватила она меня за руку и потянула за собой к лестнице.

— Мы вам покажем, где теперь живет Реми, — перепрыгивая через

ступени, весело сказала Аделин.

– Он тоже по вам скучал, – тихо призналась Кристин.

– Как и мы, – шепотом поддержала ее сестра.

Вот теперь мне хотелось застрелиться, оглохнуть, ослепнуть и, чтобы сердце прямо сейчас превратилось в бульжник, вместо того чтобы разрываться на части.

Пока поднимались наверх, близняшки наперебой рассказывали обо всем, что происходило после моего исчезновения.

– Дяде Десмонду стало плохо, – начала Кристин.

– И он упал, – как обычно, подхватила другая девочка.

– Его положили в машину и увезли.

– А мирэль Варан осталась. – Аделин смешно поморщилась, всем своим видом показывая, какого она мнения о кузине матери.

– Папа вчера сказал, что вы взяли выходной, – проговорила Кристин, открывая дверь в детскую.

– А утром – что уволились, – тряхнула кудряшками, собранными в хвост, девочка.

– И что больше никогда не вернетесь. Как мама... – чуть слышно закончила Кристин.

Тресните меня кто-нибудь посильнее, пожалуйста! Чтобы я сначала отключилась, а потом обзавелась долгоиграющей амнезией.

Девочка отпустила мою руку и подбежала к Реми, развалившемуся в плетеной корзине на мягкой стеганой подушке.

К тому моменту сердце уже не обливало кровью, оно рыдало кровавыми слезами. Слезы же застилали мне глаза, когда я опустилась на корточки перед корзиной с фидруаром и погладила малыша, почесав его у самого крылышка. Реми издал непонятный звук: не то всхрипнул, не то приглушенно муркнул и перевернулся на спину, умиительно раскинув лапы.

– Мы ведь потом с ним погуляем? – присаживаясь на пол со мною рядом, спросила Аделин.

– Когда уйдут все эти, – наморщила носик Кристин, имея в виду столпотворение мирэль в гостиной. Набрав в легкие побольше воздуха, она пожаловалась: – Мы ему сразу сказали, что нам не нужна новая няня, а он все равно их пригласил!

– Но теперь пусть уходят, – провела ладошкой по пузу спящего (или умело притворяющегося таковым) коточебурона Аделин.

– Девочки, – ногти вонзились в ладони, но я не почувствовала боли; только ту, от которой с каждой секундой все сильнее в груди ныло сердце, – ваш папа сказал правду: я не могу остаться с вами, и мне придется уйти.

Жаль, нельзя проглотить слова обратно. Я бы сделала все, лишь бы не видеть, как гаснут их глаза, как с губ стираются улыбки.

Не понимая, что творю, притянула их к себе, обняла крепко и зашептала:

– Мне будет вас не хватать. Сильно-сильно. Так сильно, что я бы многое, очень многое отдала, лишь бы все было по-другому и я могла остаться.

– Ну так оставайтесь, – хлюпнула носом Аделин.

– Не могу, милая, – прижалась губами к ручке девочки и тихо проговорила: – Возможно, очень скоро мне придется уехать.

– Зачем?

Все это время Кристин молчала. Стояла, не шевелясь. Позволяя себя гладить и обнимать. Я только видела, как начинают блестеть, наполняясь слезами, ее глаза, а когда она прошептала это свое еле слышное: «зачем?»,

я запнулась, растерялась, не зная, как объяснить, кто я и почему вынуждена уйти. Пара секунд давящей тишины, и девочка вырвалась из моих рук.

Отшатнулась от меня, выкрикнула:

– Вы такая же, как она! Ненавижу вас!

Прежде чем я успела сказать хоть слово, прежде чем успела сделать хотя бы вздох, Кристин толкнула дверь и выбежала из комнаты.

Аделин вывернулась из моих рук и упала на кровать.

– Уходите!

– Аделин...

– Уходите! Уходите! Уходите!!!

Даваясь слезами, я выскочила из комнаты. Вбежала в соседнюю, похватила какую-то одежду. Запихнула эту горку тряпья в первый попавшийся бумажный пакет и рванула к лестнице. Сбежала с нее, путаясь в ногах, путаясь в собственных чувствах и мыслях. Одно зная точно: так плохо и так больно мне еще никогда не было.

– Мирэль Тонэ, – у лестницы меня поджидал Демаре, которого я попыталась обойти и который по старой скверной привычке, схватив меня за руку, резко развернул к себе. – Что с вами такое?

– Вещи вот собирала, – ответила невпопад и потрясла пакетом перед носом бывшего работодателя. После чего рванулась от него, как от прокаженного, едва не налетев на маячившего за спиной Жужжена.

Рванулась от обжигающего прикосновения, от его голоса.

От него.

– Вы плакали, – констатировал Демаре очевидное.

– Вы подготовили мои рекомендации? – провела по лицу рукой, стирая дурацкие слезы.

Не хочу, чтобы он их видел, и видеть его не хочу.

– Договор еще не был расторгнут, мирэль Тонэ.

– Ну так расторгайте скорее! – выкрикнула я.

Больше не оборачиваясь, подскочила к двери. Опередила Жужжена, так торопившегося ее для меня открыть, дернула на себя и вылетела на улицу.

Бросилась прочь с такой скоростью, как если бы за мной гналась стая диких фидруаров. Не чувствуя под собой ног, добежала до крыльца и дальше вверх по улице. Смотрела перед собой, но из-за мутной пленки, которая никак не желала сползать с глаз, не видела ничего.

Не сразу сообразила, что налетела на какого-то детину и что он обратился ко мне по имени:

– Мирэль Тонэ!

Взгляд скользнул по черной униформе, по золотым эполетам и хмурой усатой физиономии.

Меня подхватили под руку.

С другой стороны встал такой же мрачный тип в форменном костюме и ничего не выражающим голосом проговорил:

– Пройдемте с нами, мирэль.

«И отвезут меня сейчас в МОРГ, а потом... тоже в морг», – это была первая мысль, посетившая мое не слишком ясное сознание.

Вторая паническая: «Стерва Селани меня сдала!» так толком и не успела сформироваться. Я просто-напросто задавила ее в зародыше, здраво рассудив, что сейчас не время терять голову еще и от страха.

Дернула рукой, сбрасывая с локтя сосисочные пальцы представителя порядка, и холодно произнесла:

– Для начала, пожалуйста, представьтесь.

– Детектив Антуан Гроссо, – назвался высокий тучный мужчина, лицо которого отчего-то показалось мне знакомым. – А это мой коллега – Жорж Бертлен.

Точно! Это с ним, с этим усатым типом по имени Гроссо, Демаре прощался на прошлой неделе возле «Лолы». От сердца сразу отлегло. Не агенты МОРГа – и то хорошо.

– Мы с вами встречались однажды, когда мирэль Демаре только пропала. Вы тогда еще были актрисой, а не няней, – продолжал детектив, оглядывая меня с ног до головы.

– Ах да, что-то припоминаю...

Наверняка, когда Жизель исчезла, всех, кто составлял ее окружение, допрашивали. И Селани в том числе.

– С вами все в порядке, мирэль Тонэ? – продолжая визуальное сканирование, спросил Гроссо.

Объяснить свой заплаканный вид как-то было нужно. Обманывать я не стала, просто сказала:

– С сегодняшнего дня я больше не работаю у Демаре. Расставание с девочками вышло тяжелым.

Таким тяжелым, что мне до сих пор хотелось, чтобы на меня из ближайшего окна выпал рояль, чтобы я провалилась в канализационный люк, ну или на худой конец меня переехал грузовик.

Я даже согласна на все и сразу, если это поможет избавиться от щемящего чувства тоски.

– О нем-то, о Фернанде Демаре, мы с вами и хотели поговорить, – подал голос молчавший до сих пор полиссар номер два – мужчина лет тридцати на вид с густыми темными бакенбардами, как у какого-нибудь мистера Дарси.

– Не уверена, что смогу оказаться вам полезной.

– А вот это позвольте решать нам, мирэль. Прошу, – уже более настойчиво проговорил Гроссо и широким шагом направился к машине.

«Главное, что не в МОРГ», – по дороге в полиссарский участок успокаивала я себя.

Попетляв узкими улочками города, автомобиль подъехал к тому самому зданию, что соседствовало с кофейней, в которой на нас с Демаре напали представители прессы. Парень с бакенбардами протянул мне руку, помогая выйти из машины, а после предложил следовать за ними. Подхватив пакет, я направилась ко входу в участок, обсаженному аккуратно стриженным зеленым кустарником. Газоны тоже радовали глаз своей опрятностью, как и мощеная красным кирпичом дорожка.

По длинному бесцветному коридору мы прошли в кабинет мируара Гроссо, где меня попросили немного подождать. Полиссары ушли, и это их «немного» растянулось на добрые полчаса. За это время я успела познакомиться с нехитрой обстановкой казенного помещения: письменный стол, пара стульев для визитеров вроде меня, забитый папками шкаф и серый прямоугольник сейфа на стене. То, что это кабинет мируара Гроссо, я поняла, когда он вернулся и по-хозяйски развалился в потертom кресле. Его коллега Берт, или как его там, встал у окна, своей широкой спиной приглушив солнечный свет, с горем пополам проникавший в одно-единственное имевшееся здесь окно.

– Не против, мирэль Тонэ, если я закурю? – спросил детектив, выдвигая ящик стола и доставая из него измятую пачку сигарет.

Я неопределенно пожала плечами: вопрос был риторическим, так как Гроссо щелкнул зажигалкой прежде, чем я успела хоть как-нибудь на него

отреагировать.

– Значица, мирэль Тонэ, с нашего последнего разговора прошло ни много ни мало три месяца, – глубоко затянувшись и обдав меня облаком вонючего дыма, заговорил мужчина. – За это время вы успели уволиться из театра, прекратить отношения с антрепренером Ле Гранда, съехать от мируара Фриэля и перебраться к мируару Демаре.

Прозвучало так, словно я произвела рокировку не только в отношении работы, но и поменяла одного любовника на другого.

– Я прав?

– В общих чертах, – сдержанно отозвалась я.

– А что скажете насчет этого? – Детектив разложил передо мной вырезки из газеты. Той самой, которой не так давно потрясал передо мной Жутьен.

– Насколько мне известно, полиссары в своей работе обязаны полагаться на факты, а не на фантазии журналистов.

– Значит, вы не состоите в любовной связи с Фернаном Демаре?

В ответ на такое заявление я чуть не клацнула от злости зубами. Подалась вперед и сказала, четко выговаривая слова, чтобы дошло с первого раза и мне не пришлось повторяться:

– Не состояла, не состою и состоять не собираюсь. Это все, мируар Гроссо?

– Не все, – мужчина снова затянулся, собираясь выпустить в меня очередную порцию вонючего дыма, так непохожего на горький вишневый аромат сигар его алмазного величества. – За то короткое время, что вы работали у Демаре, вам не приходилось замечать что-нибудь подозрительное в поведении вашего хозяина?

– Я недостаточно хорошо знаю мируара, чтобы замечать перемены в его поведении. Об этом вам лучше узнать у Этиля Жужжена.

Гроссо не то усмехнулся, не то поморщился, ясно давая понять, что допрашивать верного пса Алмазного короля бесполезно.

– Возможно, в доме Демаре вам попадалось на глаза что-нибудь необычное? Или, быть может, мируар встречался с кем-нибудь подозрительным?

– Дневник... – прошептала я, вспомнив о своей недавней находке с чердака.

– Дневник? – сразу встал в стойку детектив.

Выглядел он удивленным, я бы даже сказала немного перевозбужденным от того, что только что услышал. Значит, полиссарам неизвестно о записях Жизель. Значит... Ох, не нравится мне, что это может значить, и по-хорошему следовало сказать полиссарам правду, вот только...

Вот только я сказала совсем другое:

– Я имела в виду, что обычно мирэль любят вести всякие записи, дневники. Возможно, он был и у Жизель. Но раз вы не обнаружили ничего такого в начале расследования, значит, ничего такого она и не вела.

– И вы не видели в доме Демаре никакого дневника? – раздосадовано крикнул полиссар.

Секунда, другая – дверь распахнулась в тот момент, когда я уверенно сказала:

– Не видела.

– Гроссо, что все это значит? – хмурый взгляд Алмазного короля обрушился на служителя закона всей своей тяжестью.

Гроссо хотел было подняться, но упавший на него груз в несколько

тонн алмазного внимания не позволил ему этого сделать.

Детектив опустился обратно в кресло, едва не уронив на пол сигарету.

– Мы просто беседуем, мируар Демаре, – проговорил так, как если бы каялся в самых страшных грехах.

Его величество сощурил глаза:

– Просто беседовать с мирэль Тонэ вы будете в присутствии моего адвоката. А сейчас вам пора прощаться. – В несколько шагов преодолев разделявшее нас расстояние, Алмазный король подхватил с пола бумажный пакет с моим немногочисленным скарбом и ничего не выражающим голосом проговорил: – Прощу, мирэль Тонэ.

Просил он как приказывал, но я не стала заикливаться на вредной привычке Демаре повелевать всем и каждым. По крайней мере, не сейчас.

♣Потому что если выбирать между обществом Гроссо и обществом бриллиантового магната, второе было предпочтительнее и желаннее. Хотя бы потому, что оказавшись за стенами полиссарского участка, мы с его величеством сразу распрощаемся. Детектив же, судя по тому, что впился в меня пираньей, пока не сожрал, не отстал бы.

– Как вы узнали, где я? – спросила, когда за нами закрылась дверь полиссарского кабинета.

– У меня есть связи в участке.

Ну точно гангстер.

Мысль о дневнике Жизель, которым Демаре не стал делиться с полицией, занозой засела в голове. Я бы и рада была от нее отмахнуться, ведь по большому счету это вообще не мое дело, но вот что-то не отмахивалось, я продолжала думать о своей находке и задавалась вопросом, а правильно ли поступила, солгав представителю власти.

– У вас же в разгаре кастинг, – попыталась направить свои мысли в другое русло.

– У меня в разгаре одна синеглазая проблема.

– Меня бы здесь не съели.

– Но могли продержаться до самого вечера, если не больше.

Да и здешние детективы не отличаются особой тактичностью.

Я даже запнулась от такого заявления.

– Значит, за меня беспокоились?

А не за то, что расскажу о кое-чьих записях.

Фернан распахнул передо мной двери участка и сказал, пропуская:

– Я не позволю, чтобы история Жизель затронула еще и вас, мирэль Тонэ. Вы не имеете никакого отношения к ее исчезновению, и если Гроссо или какой другой полиссар будет вас донимать, свяжитесь со мной, я все улажу. – Взгляд Демаре скользнул по моему лицу, задержавшись на губах, которые мне нестерпимо захотелось облизать. – А сейчас мне и правда пора. Нужно представить дочерей второй няне.

– А что стало с первой?

На лице Алмазного короля промелькнула усталая улыбка.

– Продержалась полчаса. Надеюсь, вторая выстоит хотя бы до вечера. У меня сегодня важная встреча и...

– Я не сказала им о дневнике, – выпалила и замолчала, вглядываясь в лицо Фернана, следя за его реакцией.

Вот только никакой реакции не последовало, лицо оставалось бесстрастным.

– Я слышал, – кивнул Демаре. – И благодарен вам за это. Но если

♣это будет вас мучить, можете вернуться и рассказать о дневнике Гроссо.

– Почему вы сами ему о нем не рассказали? – спросила тихо.

Демаре покачал головой:

– Потому что там нет ни слова правды, а то, что написано, может меня скомпрометировать.

– Хотите сказать... Жизель пыталась вас подставить? Но для чего это ей?

– Хочу сказать, что буду разбираться и выяснять, зачем моей жене понадобилось писать всю эту ересь. Теперь мне еще больше хочется найти Жизель. – Он кивнул мне на прощание и проговорил: – Всего доброго, мирэль Тонэ.

Протянул пакет, о котором я успела забыть, и в тот самый момент перстень на пальце Демаре вспыхнул. Я чуть не отпрыгнула назад с криком, когда над украшением показалась полупрозрачная голова Жужжена. Магическая голограмма подрагивала, то становясь четче, то расплываясь. Звуковая трансляция тоже оставляла желать лучшего – в голосе дворцового слышалось какое-то потрескивание, съедавшее половину звуков.

Но самое главное мы услышали:

– Мируар Демаре! У мирэль Кристин... трр... трр... снова приступ! Ее повезли в больницу!

Лицо Алмазного короля словно окаменело. Он сдавил украшение, и голограмма втянулась в перстень, а мы бросились к машине.

– Ирочка, ну улыбнись нам. Мы так соскучились по твоим улыбкам. Игорь Семенович говорит, что силы к тебе возвращаются очень быстро и что уже завтра-послезавтра мы сможем забрать тебя домой. Теперь все будет замечательно, солнышко ты наше! Ты даже представить себе не можешь, как мы счастливы!

Последние несколько минут Селани боролась с желанием швырнуть в эту вымогательницу улыбок подушкой, стукнуть ее журналом или (что было бы еще более приятно) сунуть ей в рот горький оранжевый фрукт: не то апельсон, не то аросин. Чтобы наконец заткнулась и перестала вытрясать из нее всю душу своей болтовней.

– Мам, а принеси мне чего-нибудь попить, – честно пытаюсь растянуть губы в улыбке, а заодно стереть из мыслей заманчивую картину «Ирина мама с аросином», попросила Селани.

– Да, конечно, родная. – В очередной раз сжав руку «дочери», Ольга Семеновна поднялась. – Хочешь чаю или, может, сока?

▲ – Второе, – неуверенно отозвалась мирэль Тонэ.

Проводила женщину хмурым взглядом и переключилась на невысокого лысеющего мужчину в клетчатом пиджаке.

«А папашка остался», – досадливо поморщилась Селани, вслух проговорив:

– Вам не обязательно все время находиться здесь.

– Ну как же мы тебя оставим, Ирочка, – занимая освободившееся место на больничной кровати, сказал Ирин отец.

Той самой Иры, с которой Селани теперь имела несчастье познакомиться еще ближе. Мало того что перенеслась хмарь знает куда, так еще и оказалась в теле этой пероножки!

Селани чуть удар не хватил, когда вместо любимого отражения или на крайний случай сносной физиономии Десмонда в зеркале больничного туалета она увидела совершенно незнакомую девушку. Невысокую, тощую, какую-то изможденную. Под глазами круги, вся бледная, в области груди ни намек на грудь, щеки впалые, а волосы тусклые.

В общем, жуть жуткая.

Такую проще прибить, чем попытаться придать ей приличный вид. И угораздило же так вляпаться... И как будет выбираться из всего этого... дурно пахнущего Селани не представляла.

– Совсем ничего не помнишь? Что тогда случилось? Говорят, к тебе приезжала Лиля, – снова хмурился заботливый родитель.

Селани понятия не имела, кто такая эта Лиля и что и когда могло случиться. Да это ее и не интересовало. Куда больше мирэль Тонэ беспокоила перспектива оказаться в одном доме с мамашей-наседкой и папашей-следопытом. За минувшие несколько часов он так ее достал своими вопросами, что она уже всерьез подумывала о том, чтобы ночью сбежать из этого дурдома.

Куда угодно.

– Не помню, не знаю, не представляю, – раздраженно отозвалась Селани.

Мужчина разочарованно вздохнул:

– Ничего, врач говорит, это нормально. Частичная потеря памяти, к сожалению, возможна в твоей ситуации, но со временем все восстановится и станет как раньше.

Селани вздрогнула, когда дверь в палату распахнулась. Она уже приготовилась к очередной порции словесного недержания и излияния материнской любви, но вместо Ольги Какой-то-там в палату вошел высокий светловолосый мужчина с огромным букетом цветов.

«Ничего себе отхватила!» – бывшая актриса мысленно присвистнула.

Она помнила, как Ира говорила, что в родном мире у нее остался жених, но Селани и подумать не могла, что это будет ТАКОЙ жених. У нее сердце из груди едва не выпрыгнуло, когда Михаил склонился к ней и прижался губами к ее руке.

– Ириш, – проговорил низким глубоким голосом, от которого каждый волосок на теле как будто ожил. – Прости меня идиота. Я не должен был улетать, не должен был тебя оставлять.

– Ничего, Миш, мы примчались сразу, как нам позвонили, и все время были с ней.

«Лучше бы вас со мной не было», – мрачно подумала девушка и осторожно высвободила руку из руки блондина, решив, что сейчас не время и не место пускать слюни по незнакомому мужчине.

Ей нужно домой, на Эону, к Демаре и своему телу, которое теперь осталось без присмотра. Селани боялась предположить, что может натворить в ее отсутствие эта пероножка. Особенно после никчемного дня рождения и ссоры с Демаре.

Вдруг все-таки уволится?

Селани поежилась.

– Оставляю вас. – С этими словами отец Иры поднялся и вышел в коридор.

– Ну как ты, малыш? – снова беря ее за руку, тихо спросил Михаил.

Ладонь его была теплой, пальцы сильными, а прикосновение оказалось на удивление приятным, хоть Селани не любила, когда незнакомые люди до нее дотрагивались. В основном рукопожатия и приветственные поцелуи вызывали у нее чувство брезгливости, желание отшатнуться, скривиться.

Но сейчас, вместо того чтобы кривиться, она лишь слабо улыбнулась:

– Устала.

Короткий поцелуй в запястье и чуть более долгий, обжигающий в ладонь.

– Со мной такой бред в последнее время творился. Я не знал, что и

думать. Уже готов был поверить, что ты попала в другой мир и что я должен отправиться за твоей душой.

– Фантазер, – нервно хихикнула девушка, чувствуя, как сердце в груди ускоряет свой ритм, а потом снова замирает, стоило ей поднять на него глаза. – И как бы ты... отправился за моей душой?

– Да одна гаитянка навешала мне лапши на уши. Всучила какую-то абижутеристику и даже слова так называемого заклинания записала.

Типа это помогло бы нам с тобой воссоединиться в другом мире. Я же говорю, бред полный.

– О, – только и смогла выговорить Селани, не ожидавшая, что все окажется так просто.

Браслеты. Заклинание.

Чувствуя, как силы к ней стремительно возвращаются, она вкрадчиво поинтересовалась:

– И что эти браслеты? Они с тобой?

– Оставил на острове.

«Вот идиот», – констатировала Селани.

– Андрюха грозился притащить их с собой, – весело добавил

Ирин жених.

– Ой, а пусть притащит! – восторженно воскликнула девушка, кокетливо взмахнула ресницами и попросила: – Ты же мне их подаришь? Просто на память отвоем временном помешательстве.

Михаил негромко рассмеялся:

– Тебе, малыш, я подарю что угодно. И браслеты, и обручальные кольца. В следующий раз вместе полетим на Доминикану, как и собирались.

«Нет, все-таки хороший мужик», – мысленно поправилась Селани, отвечая на поцелуй мужчины, на прикосновение твердых, незнакомых, настойчивых губ.

– Меня завтра выписывают, – сказала она шепотом. – Ольга... мама... моя которая... говорит, чтобы я к ним на первое время переехала.

Михаил отстранился, нахмурился и решительно проговорил:

– Нет, Ириш, больше никакого дома. С завтрашнего дня ты живешь со мной.

▲Глава 2

Короли и их приближенные

Ира Илларионова

То, что эта самая машина принадлежит алмазному величеству, я осознала, уже когда мы отъехали от здания местной полиции. То есть только теперь до меня дошло, что мне совершенно без разницы, кому она принадлежит, потому что единственно важным сейчас было узнать, что случилось с малышкой. А еще...

– Почему вы не сказали, что у Кристин могут быть приступы?! – разъяренной кошкой набросилась я на Демаре.

– Потому что их уже давно не было.

Судя по тому, сколько раз нам сигналили, его величество наплевало на все дорожные правила. Кстати, светофоров на улицах не было, и это я обнаружила только сегодня, зато имелось множество дорожных знаков, совершенно не похожих на те, с которыми была знакома по школе вождения.

– Давно?! – прорычала я. – А вам не кажется, что няне следует об этом знать? Вы вверяете мне жизнь ребенка и даже не удосуживаетесь рассказать о том, что с ней может случиться что-то плохое!

— Вам-то какая разница? — ядовито процедило величество. — Вы же собрались увольняться.

За это я чуть не огрела его своим вещмешком, то есть пакетом с вещами по голове. Не огрела исключительно потому, что мы должны были добраться до больницы живыми, а я водить не умею. Точнее, умею водить нормальные машины, а не вот это. И со знаками буду разбираться дольше, чем в свое время с органической химией.

— Разница в том, что Кристин мне дорога, — буркнула я, решив, что пора признать очевидное и посмотреть правде в лицо. — И сейчас я готова придушить вас за то, что узнаю обо всем через голову вашего дрессированного дворецкого-доносителя!

— Жужжен мне действительно предан, — на удивление спокойно отозвался Демаре и замолчал, продолжив с такой скоростью петлять по улочкам и серпантинам Мальмара, что меня уже основательно так подташнивало.

Впрочем, мне сейчас было не до Жужженов, их голов и даже не до собственного состояния, потому что когда увидела здание больницы (на фасаде выделялась надпись «Центральная лечебница Мальмара»), руки похолодели. Я вцепилась в пакет так, что тот жалобно затрещал, а Демаре скосил в мою сторону взгляд.

— Приступы у Кристин начались сразу после исчезновения Жизель. Она всегда все держит в себе. Врачи говорят, в этом все дело. В ее неумении выплескивать эмоции.

— Как именно проявляются приступы? — спросила взволнованно.

— Она начинает задыхаться и теряет сознание.

Продолжить мы не успели: на подъезде к больнице образовалась пробка, и Демаре просто бросил машину посреди улицы, правда, не забыв открыть мне дверь и подать руку. Сейчас я даже возражать не стала, и пока мы бежали до больничного корпуса, молила богов (местных, земных, каких угодно!) о том, чтобы с Кристин все было хорошо.

В палату нас проводили сразу же, и первое, что бросилось в глаза — крохотная фигурка на огромной кровати, завернутая в полупрозрачный мерцающий кокон. Глаза девочки были закрыты.

— Все в порядке, мируар Демаре, — поспешил заверить нас врач — высокий мужчина в бледно-сиреновом халате (такие же нам выдали на этаже, чтобы мы могли пройти в палату, вместе с сиреновыми аналогами привычных мне бахил). — Приступ купирован, сейчас мы проводим восстановительную процедуру, после которой вы сможете забрать мирэль Кристин домой.

Демаре кивнул, даже не взглянув на доктора. Взгляд его был прикован к дочери, и в тот момент лицо Алмазного короля снова походило на маску, высеченную из камня.

— Кстати, мирэль Сервин...

— Кто? — Демаре раздраженно дернул бровью.

— Мирэль Сервин, ваша новая няня... Она очень перепугалась, и нам пришлось дать ей успокоительное.

— Пап, — донесся слабый голосок с постели.

Демаре не снес доктора с пути исключительно потому, что тот оказался шустрее и отскочил в сторону сам.

— Да, звездочка?

— Пап, мне было так страшно...

— Знаю, родная. Но теперь я рядом, и все будет хорошо.

Разорвав свечение, Демаре коснулся тоненькой ручки под искрящимся куполом, и я закусила губу. На меня посмотрели с явным неодобрением.

Так и чувствовала, как врача распирает от желания поинтересоваться, кто я такая и что тут забыла, но я решила не удовлетворять его любопытство, потому как это порок, а также большое свинство – совать нос в чужие дела. Обхватив плечи руками, смотрела исключительно на Демаре, склонившегося над дочерью. Смотрела, как резкость на его лице уступает место нежности и...

Отвернулась.

Потому что видеть его таким и знать его таким не хотелось. Пусть лучше в моей памяти останется мужчина, который волок меня своей магической удавкой по всему дому. Так будет проще. Сфокусировавшись на этой мысли, я принялась изучать палату, в которой, как ни странно, не было и намека на известную всем аппаратуру. Щит, который сиял над Кристин, создавало скопление странного вида белоснежных матовых кристаллов. Да, я помнила, что вся магия в этом мире исходит от камней, но этот аппарат (напоминающий гору наростов) видела впервые. Так же, как и всякого рода датчики, в каждом из которых присутствовал хотя бы один камень. Врач, например, следил за состоянием девочки по странному напульснику со вмонтированным в него крохотным камушком, и судя по тому, что мне удалось зацепить краем глаза, тот показывал частоту сердечных ритмов и давление.

Наверное, я бы и дальше продолжала рассматривать палату – занавеси на окнах, стены с изображениями героев детских сказок, небольшой столик и стулья в углу, кресла для посетителей, – если бы вдруг не раздался какой-то странный хлопок, а следом не зазвучал голосок Кристин:

– Зачем она пришла?!

Оторвав от пола взгляд, обнаружила, что свечение исчезло: видимо, восстановительный процесс завершился. Яростно сверкая глазами, девочка сидела на постели, а врач с тревогой смотрел на его величество и говорил:

– Мируар Демаре, я бы рекомендовал исключить любые волнения...

– Никаких волнений больше не будет, – отрезал Демаре, снова возвращаясь в состояние «король алмазный, отмороженный: количество – одна штука». – Мирэль Тонэ приехала со мной, Кристин, потому что очень за тебя переживала. А в том, что она от нас ушла, виноват я.

Девочка широко распахнула глаза:

– Ты?!

– Я, – на удивление смиренно подтвердило величество, отчего мне захотелось его чем-нибудь стукнуть, и распорядилось: – Выйдите.

▲ От последнего приказа врач подпрыгнул на месте.

– Но Кристин еще нужно пройти сканирование...

– Сначала мне нужно поговорить с дочерью.

Неодобрительно покосившись (почему-то на меня), доктор ушел, оставив нас троих наедине.

– Я вел себя с мирэль Тонэ недостойно, – продолжил каяться Демаре. – И за это прошу прощения. Вы же меня простите, мирэль Тонэ?

Ах ты ж, алмазный...

– Кристин, как ты себя чувствуешь? – предпочла сменить тему раньше, чем королю все-таки прилетело бы от меня по голове.

– Хорошо, – пробормотала мигом растерявшая боевой запал девочка.

Она переводила взгляд с меня на отца и явно ничего не понимала, а я отложила пакет с вещами и выяснение отношений на потом. Приблизилась

к кровати, вглядываясь в лицо малышки. На щеках играл легкий румянец, и у меня отлегло от сердца. В конце концов, главное сейчас – Кристин, а не беспринципный манипулятор справа.

– Я очень рада, – протянула ей руку, и девочка, поколебавшись, все-таки вложила в нее свою ладошку. – Я так переволновалась, узнав, что тебе стало плохо. Не пугай нас больше, пожалуйста, хорошо?

– Хорошо, – серьезно сказала малышка, глядя мне в глаза. – А вы к нам вернетесь, мирэль Тонэ?

Я почувствовала на себе взгляд Демаре.

– Не...

– Мирэль Тонэ хочет сказать, что ей нужно время, – ответили за меня. – И я ее понимаю.

Понимаю? Понимаю?!

Да что вы говорите, понимающий наш!

– Мируар Демаре, на пару слов, – я кивнула в сторону двери, но Демаре и тут перехватил инициативу:

– Кристин, мы ненадолго. Пусть доктор пока проведет сканирование. А потом мы поедem домой.

Кристин согласно кивнула и нехотя отпустила мою руку, я же, едва мы с врачом совершили рокировку – он в палату, мы из нее, – ткнула пальцем в грудь Демаре.

– Вы. Что. Делаете?!

– А что я делаю? – поинтересовался этот непробиваемый тип.

– Вы играете нечестно!

– Я веду свое дело, и могу сказать, что честность – не всегда лучший вариант.

Видимо, у меня было очень говорящее выражение лица, потому что Демаре нехотя признал:

– Согласен, это нечестно. Но вы им нужны, мирэль Тонэ. Вы же сами это видите и понимаете. Предлагаю оставить наши разногласия...

– Разногласия? – мягко и очень тихо уточнила я. – То есть под разногласиями вы понимаете десяток-другой метров катания по полу на вашей магической веревке?

– Я же попросил прощения!

– Ой, правда? – хмыкнула. – Ну так вот, я вас не прощаю.

Его величество поменялся в лице: такого ответа он явно не ожидал.

– То есть возвращаться вы не собираетесь? – хмуро поинтересовался он.

– Собираюсь, – кивнула сдержанно. – Но исключительно потому, как вы выразились, что я нужна девочкам. Я не хочу, чтобы из-за меня они страдали.

Прежде чем выражение лица Демаре сменилось на победное, я сложила руки на груди.

– Я буду жить отдельно. Найду квартиру, по утрам вы будете присылать за мной водителя, а по вечерам он будет отвозить меня домой. Это первое.

Алмазный король приподнял бровь:

– Все няни моих дочерей живут в моем доме. Это не обсуждается.

– Обсуждается все, мируар Демаре, и вы как бизнесмен должны это понимать. Второе: вы будете выдавать мне зарплату два раза в месяц, чтобы я могла платить за аренду квартиры и покупать все необходимое. В выходных я особо не нуждаюсь, но если мне понадобится свободное время, вы мне его предоставите по первому требованию. Без, – я подчеркнула последнее слово, – вопросов и комментариев по поводу того,

куда и зачем мне нужно.

Судя по тому, как заиграли желваки у него на скулах, его бриллианство было недовольно. Очень недовольно, но тут уж я ничего поделывать не могла, да и, признаться честно, не особо хотела. Я остаюсь не ради его удовольствия, а потому что хочу, чтобы Кристин и Аделин были счастливы... по крайней мере, все то время, что я буду с ними рядом.

Пока в алмазных мозгах крутились бриллиантики, я терпеливо ждала.

– Хорошо, – буркнул, наконец, Демаре. – Что-то еще?

– Это, пожалуй, все. Но если вы дотронетесь до меня хотя бы... – я выставила вперед палец. – Или коснетесь своей магической штукой...

▲ На этом моменте я осеклась и решила, что пора сворачиваться. Тем более что стоять рядом с ним вот так близко было очень странно, я чувствовала непонятный жар и пульсацию под браслетом (должно быть, из-за его перстня). Поэтому развернулась и направилась в палату, где доктор водил над головой Кристин каким-то прибабасом, напоминающим современный сканер или электронную игрушку, что была у меня в детстве. С той лишь разницей, что в моей игрушке не было драгоценных камней.

– Мирэль Тонэ! – воскликнула девочка, подпрыгнув так, что чуть не стукнулась макушкой об этот сканер: доктор едва успел отдернуть руку.

– Вы закончили? – поинтересовалась я.

– Да, – недовольно произнес он и добавил, обращаясь уже к Демаре: – С мирэль Кристин все в порядке, но некоторое время придется последить за тем, чтобы у нее не было лишних тревог и беспокойства.

– Вы же последите, мирэль Тонэ? – Кристин пристально на меня посмотрела.

М-да, по характеру – вылитый отец.

– Если обещаешь чувствовать себя хорошо.

В конце концов, не все только тем, у кого фамилия Демаре, манипулировать.

– Обещаю! – радостно согласилась Кристин.

– Ну тогда давай переодеваться. Мужчины, выйдите.

Мужчины покосились на меня, особенно тот, что на букву Д, но я и бровью не повела, направляясь к саквоюжу, куда сложили платице и другие вещи Кристин.

– А как папа себя повел?

Я чуть не уронила платье, которое расправляла перед тем, как помочь девочке снять больничную рубашечку.

– Что значит – как?

– Ну, мама говорила, что вести себя недостойно – это топтать ногами, кричать или ругаться, – на последнем слове Кристин понизила голос. – Страшными словами.

– Ну, – осторожно начала я, помогая девочке выпутаться из балахонистой одежды. – Он топал ногами и кричал.

– Громко?

– Громко.

– Вы испугались?

Можно и так сказать.

– Очень.

– И поэтому хотели от нас уйти?

▲ – Нет, уйти я хотела не поэтому.

– А почему?

Уже почти и забыла, насколько это временами сложно – быть няней.

– Потому что, Кристин, если позволять на себя кричать и топтать ногами, со временем перестанешь себя уважать.

Девочка нахмурилась, и пока мы одевались, не сказала больше ни слова. Зато когда я начала заплетать ей косу, повернулась ко мне с самым серьезным видом:

– Думаю, вы поступили правильно.

Я улыбнулась:

– Спасибо.

– И еще хотела сказать, что папа очень вспыльчивый. Совсем как я. Знаете, я ведь очень сильно на вас разозлилась сегодня утром. Решила, что вы хотите нас бросить, потому что мы вам надоели. Потому что мы вредные и не всегда ведем себя хорошо, пачкаем одежду, и... я тогда плохо поступила с Реми...

– Давай-ка договоримся так, – сказала я, завязывая ей бант. – Мы больше никогда не будем возвращаться к теме Реми. И уж тем более не будем говорить о том, что вы можете мне надоесть, потому что это не так.

– Разве вы никогда на нас не злились?

– Злилась? Нет.

– Неправда!

Кристин строго посмотрела на меня, и я пожала плечами:

– Ладно, разве что самую малость.

Рассмеялись мы вместе, и в эту минуту меня окончательно отпустило. Ненадолго, потому что по телу прокатилась знакомая дрожь, а браслет разогрелся. Не нужно было даже оборачиваться, чтобы понять: в дверях стоит Демаре.

Впрочем, когда я обернулась, мне уже удалось справиться со своими донельзя странными чувствами. Поэтому я спокойно встретила его взгляд и довольно прохладно произнесла:

– Мы готовы.

Время летело незаметно. Ускорило свой бег и неслось как сумасшедшее, если так можно выразиться: на самом деле я считала дни до путешествия в Ланси и, к своему глубочайшему сожалению, отнюдь не потому, почему делала это раньше. Каждый день в обществе Кристин и Аделин казался мне чудом, и даже когда после завершения рабочего дня водитель отвозил меня домой, улыбкой на губах я была обязана именно им. ♣Сказать, что близняшки стали шелковыми – значит, ничего не сказать.

Они были семилетними девочками, которые очень хотели, чтобы их няня осталась с ними, поэтому и вели себя соответственно. На подготовительных уроках (им вскоре предстояло пойти в школу, потому что Новый год, называющийся здесь Праздник Первого Дня наступал летом, а сразу после него начинался и год учебный) они так старательно выполняли задания, что мне рядом с ними просто нечем было заняться. Я могла отойти к окну, задуматься или вообще читать книгу, а вернувшись в реальность, обнаружить, как старательно скрипят ручки, и увидеть уткнувшихся в тетради девочек.

В остальном все тоже обстояло неплохо.

После моего возвращения и увольнения новой няни Демаре снял запрет на прогулки (который наложил после исчезновения Жизель), и теперь мы с девочками после обеда выбирались в центр Мальмара или отправлялись гулять по пляжу. Послеобеденный сон тоже был отменен, чему Кристин и Аделин были несказанно рады.

– Мы теперь взрослые, – вздернула подбородок Аделин, когда Элоиз однажды после обеда язвительно поинтересовалась, почему девочки не в постели.

Кристин за спиной кухни Жизель надула губки и выпятила грудь с

таким видом, что я чуть не подавилась воздухом и поспешила увести близняшек подальше от расфуфыренной мирэль Варан, явно загостившейся в доме Алмазного короля.

– Где ты этому научилась? – строго поинтересовалась я, стоило нам остаться наедине.

– Ну она же всегда так делает, – с самым невинным видом заявила Кристин, пока Аделин покатывалась со смеху.

В общем, это была самая грандиозная шалость за последние несколько дней.

А как девочки заботились о Реми! Они восприняли его появление с ответственностью, которой позавидовал бы любой взрослый. Кормили, расчесывали, выгуливали и играли, следили за тем, чтобы не пакостничал. Вязали бантики ему на шею (последнее фидруар терпел с такой мордой, что я попросила больше этого не делать).

Демаре я попросту игнорировала. На грани вежливости, конечно же: стоило нам столкнуться в коридоре, как я делала нейтральное лицо, здоровалась и желала доброго дня (утра, вечера, нужное подчеркнуть). После чего отчитывалась все тем же нейтральным тоном, если меня спрашивали о близняшках, а если не спрашивали, прощалась и шла своей дорогой. Старательно не замечая того, как Алмазного короля корежит от этой вежливости, а заодно и того, как браслет начинает обжигать руку, и как под ним пульс отбивает ритм в такт бешено колотящемуся сердцу.

Жужжен больше не жужжал. Когда мы встречались, лицо его выражало нечто среднее между состоянием «Я табуретка» и «Премного не рад вас видеть, но ничего не могу с этим поделать».

В целом, такой нейтралитет мне даже нравился, если бы не свободные вечера, когда снова накатывали мысли о Мише и о том, что кажется, ничего на холме Расцвета не случилось. Ну не считая того, что я чуть не свернула шею, а не свернула ее исключительно благодаря Алмазному королю.

«Пространственные аномалии Ньерры» с десятого подхода дали мне информацию о том, что блуждающие жилы порождают странные аномалии в местах своего возникновения, и что одна из крупнейших проходит над Мальмаром. К слову сказать, не все они возникали над городами, некоторые проходили сквозь, оставляя страшные разрушения, или возникали под землей, вызывая еще более странные явления вроде сбоя заклинаний и тому подобное. Словом, из того, что я прочла и мало-мальски для себя расшифровала, Мальмару еще повезло.

А вот мне – нет.

Потому что несмотря на все случившееся и все умные мысли про самоуважение я продолжала думать о его алмазном величестве.

Чувство было такое, что мне в голову, когда засыпаю, закачивают мысли про Демаре, а утром, проснувшись, я начинала раскладывать их по полочкам. И думала, вспоминала, анализировала.

Но даже это было не самым страшным. Пока я обменивалась с ним вежливыми приветствиями, меня основательно так потряхивало, как будто прогоняло через адронный коллайдер, распыляло на атомы и собирало снова. Возможно, именно поэтому я старалась свести наши встречи к минимуму. То есть позорно пережидала за углом, если слышала королевские шаги, и ждала, пока он запрется у себя в кабинете, чтобы проскользнуть к выходу.

Фернан же, кажется, делал обратное, иначе как объяснить то, что королевские шаги, стремительно удаляющиеся, начинали так же

стремительно приближаться, стоило мне шмыгнуть в холл. Или самым неожиданным образом в доме открывалась самая неожиданная дверь и передо мной возникало его величество во всей своей алмазной красе. Не знаю, чего он этим добивался, но меня это здорово нервировало, и с каждым днем нервировало все больше.

Поэтому сегодня я дождалась, пока близняшки заснут, а потом еще примерно час отсиживалась в их комнате, прислушиваясь ко всему, что происходило снаружи. Только когда убедилась, что дверь в монаршую опочивальню захлопнулась, стянула туфли, подхватила сумочку и очень тихо вышла в коридор. После чего гигантскими, я бы сказала, прыжками вполне себе взрослого фидруара (или фидруарьи, как у них тут самки называются), устремилась к лестнице.

– Мирэль Тонэ!

Голос Демаре раздался справа так резко, что я чуть не споткнулась.

Справа, справа, справа! А его спальня слева.

Как?!

– Добрый вечер, – я сделала нейтральное лицо версия 1.0 и повернулась к его алмазному величеству.

– Добрый, – произнес Демаре, выступая из тени. – Если он, конечно, добрый. Куда вы так спешите?

– Домой. У меня много дел.

Например, надо помыть целую одну чашку, которую я утром оставила в раковине. Небольшая, но уютная квартирка, которая меня вполне устраивала (всем, в том числе и ценой, и приятными соседями по площадке – любезной пожилой парой), располагалась на другом конце города, в часе езды от дома Демаре. Времени отнимало много, конечно, но как уж есть.

– Например?

– Я не собираюсь перед вами отчитываться, – мой голос похолодел на несколько градусов, и глаза Алмазного короля сверкнули промерзшими бриллиантами.

Впрочем, он тут же взял себя в руки и совершенно невозмутимо проговорил:

– Это называется светский разговор, мирэль Тонэ. Не слышали?

– Нет, – пожала я плечами. – И вы последний, с кем я стану вести светские беседы, поэтому всего доброго.

Развернувшись, попыталась уйти, но мне, резко шагнув вперед, преградили дорогу.

– Селани, почему вы меня избегаете?

И он еще спрашивает?!

– Во-первых, я вам не Селани. А во-вторых, не хочу тормозить за... пятками по коврам в вашем дворце!

– Долго еще будете мне это припоминать? – Демаре скрипнул зубами.

– Всю жизнь вас устроит? Дайте пройти!

Я бросилась вперед, прорываясь к свободе, и наступила попытавшемуся меня перехватить Алмазному королю на ногу. Вот только вместо того чтобы почувствовать под ногой жесткий ботинок, моя пятка впечаталась в... монаршую стопу. Я опустила глаза и увидела, что Демаре стоит в носках. В таких темных полосатеньких носочках.

М-да, теперь становится понятно, как ему удалось появиться справа.

– И давно вы меня поджидаете? – поинтересовалась.

– О чем это вы? – теперь на его лицо упало выражение «Гангстер не при делах. Версия 1.0»

– Об этом, – указала пальцем на носки.
– Ну я же вас не спрашиваю, почему вы ходите босиком, –
ввернуло шпильку его величество.
– Потому что у меня ноги устали!
– У меня тоже. Весь день на работе, знаете ли.
– Неужели? – Я ткнула в него туфлями. – А по-моему, вы
просто меня преследуете.
– По-моему, вы слишком много внимания уделяете своей персоне.
Ах ты...
Я отпихнула его в сторону и решительно направилась к лестнице. Судя
по мягкому топанию, он последовал за мной. И точно: меня
перехватили за локоть.
– Селани, – произнес Демаре, разворачивая меня лицом к себе. –
Давайте поговорим.
– Палец, – сказала я.
– Что?
– Палец! Вы не дотрагиваетесь до меня даже пальцем, помните?
Алмазный король, хоть и был не из нервных, но сейчас у
него задергался правый глаз. Несмотря на это, руки он все-таки убрал.
– Ну вот, теперь давайте поговорим, – кивнула я.
Туфли было некуда девать, поэтому так и держала их за ремешки. –
Кристин и Аделин очень стараются, и думаю, что когда пойдут в школу, у
них все получится. Правда, Кристин плохо дается арифметика, но это
поправимо. Я придумала, как ее заинтересовать, чтобы...
Раздался какой-то скрежет. Судя потому, как кое-кто стиснул зубы, это
скрежетала королевская челюсть.
– О нас.
– Простите?
▲ – Я хочу поговорить о нас, – смене настроений на его лице сейчас
позавидовал бы даже Джим Кэрри из «Маски».
– О нас? Не совсем понимаю, о чем вы, – прикинулась я удивленной.
– О том, что произошло в день, когда вы сбежали. – Алмазный
король, судя по всему, был силен в психологии, потому что сейчас
глубоко вздохнул и выдохнул.
– А, – я сделала большие глаза и подперла свободной рукой
подбородок. – Дайте подумать... Нет. Я не хочу об этом говорить, и мне
правда пора домой.
– Селани, нельзя же так! – донеслось из-за спины.
Сквозь сжатые зубы.
– Да, – я резко обернулась. – Нельзя. Нельзя унижать людей,
только потому что вы не в настроении или потому что вам не понравилось
то, что вы услышали.
– Я. Вас. Не унижал.
Я все-таки поставила туфли и сложила руки на груди.
– Жужжен, если вы сейчас слушаете, надеюсь, у вас случится
несварение желудка и нападет беспричинная икота, потому что вы меня
уже достали!
Под лестницей что-то скрипнуло, а потом раздался грохот.
– Этиль?! – рявкнул Демаре, перегнувшись через перила.
– Я... тут... проверял. – Дворецкий выполз из-под лестницы с
самым несчастным видом и физиономией, менявшей оттенки с
невообразимой скоростью: от пепельно-серого до помидорно-красного. –
Кажется, в этой каморке давно никто не убирался. Надо уволить
горничную...

– Этиль, – зловеще протянул Алмазный король.

– Я пошел, мируар Демаре. Еще столько дел. Столько дел...

Жутьена как ветром сдуло, после чего его величество снова повернулся ко мне. Выглядел он устало, если не сказать больше, и на миг меня даже совесть цапнула за голую пятку. Но только на миг.

– Как вы догадались, что он там?

– Да он же постоянно подслушивает. Seriously считаете, что ваше присутствие удержит его от шпионской деятельности?

Алмазный монарх вздохнул:

– Ладно. Кажется, я понял, что вы имели в виду, когда говорили про унижение.

– Да, это здорово бесит. Особенно, когда тебя тащат по полу на глазах у других. Сначала обидно, конечно, но потом хочется огреть того, кто тащит, чем-нибудь тяжелым.

– Вам до сих пор хочется меня огреть?

– Нет, это был второй этап. А я сейчас нахожусь на третьем: когда уже, наоборот, не хочется. Иметь ничего общего с тем, кто так со мной поступил.

– Селани, я правда пытаюсь с вами помириться.

– Правда пытаетесь? – недоверчиво сощурилась, а потом кивнула:

– Хорошо.

– Хорошо? – Демаре приподнял бровь.

– Ну что же я, зверь какой, что ли.

Он шагнул ко мне, но я выставил вперед руку.

– Подождите. Я еще не договорила. В прошлый раз, когда вы хотели помириться, все тоже шло хорошо, поэтому мне нужны гарантии.

– Гарантии? – как-то тяжело уточнил Алмазный король.

– Да, что вы настроены серьезно и не будете себя вести, как при затаяншемся приступе шизофрении.

– Приступе чего?

У них нет шизофрении?

– Это, знаете, беспричинные смены настроения. Когда вы такой весь белый и пушистый, а потом набрасываетесь на людей.

Демаре сжал зубы.

– Вам это нравится, да? Нравится надо мной издеваться?

– Нет, – подхватывая туфли, сообщила я. – Просто хочу оценить серьезность ваших намерений в ваших попытках восстановить дружеские отношения.

– Дружеские.

– Разумеется.

Его величество шагнуло ко мне так резко, что я с трудом заставила себя остаться на месте. Сначала – потому что вспомнила печальную историю с полетом с холма, и только потом – потому что любое бегство сейчас было бы равносильно поражению.

– Когда мы танцевали, вы были настроены совершенно иначе.

– Ой, да когда это было, – отмахнулась я, чувствуя, как начинает покалывать кожу под браслетом.

Это покалывание растекалось по руке, отдаваясь в сердце и вызывая ненормальное желание шагнуть вперед, к нему. Только невероятным усилием воли я удержала свое тельце (ладно, не свое) на месте, потому что очень хорошо помнила, чем заканчивается это «вперед, к нему».

♣Поцелуями, от которых выключаются мозги и начинает сбоить инстинкт самосохранения, а что первое, что второе, мне сейчас

жизненно необходимо.

– То есть этот танец для вас ничего не значит?

Опасный вопрос, Ира. Очень опасный.

– Даже если предположить, что это не так, – я положила ладонь на перила, внушительные такие, дерево под лаком согревало кожу. – Вы женаты, мируар Демаре.

– Моей жены здесь нет.

– И это многое меняет, правда? – хмыкнула.

– Многое, – с самым серьезным видом заявил он. – Я открылся вам, как не открывался никому и никогда, Селани. Вы знаете обо мне больше, чем кто бы то ни было, в частности о том, что дневник Жизель лежит в моем сейфе...

О-о-ой, а вот это совершенно точно лишняя информация.

– По-моему, вы забегаете вперед. Очень далеко вперед. Мы ведь говорили об испытательном сроке, после которого мы снова начнем нормально общаться.

– Об испытательном сроке? – глаза Демаре опасно сверкнули, но сдаваться я не собиралась, поэтому просто стояла и ждала.

Он снова глубоко вздохнул:

– И что я для этого должен делать?

– Ну... – дернула плечами. – Просто быть собой.

Если бы Фернан сейчас не смотрел на мои губы, было бы проще, но он на них смотрел. От этого они начинали гореть, и покалывание от браслета проникло и в них.

– Я такой, какой я есть, Селани. Но вам это, похоже, не нравится.

«Это не так», – хотела возразить, но не успела.

По дому прокатилась мелодичная трель звонка, и Демаре нахмурился. Внизу раздались шаги: Этиль спешил навстречу неизвестному гостю, а мы с алмазным величием синхронно перегнулись через перила. Двери отсюда видно не было, только пасть широкой прихожей, точнее, ту ее часть, где она переходит в холл.

– Какая беспардонность – являться в столь поздний час, – пробормотал Жужжен, метнув на нас опасливый взгляд, после чего скрылся из поля зрения.

А пару секунд спустя раздался звук открывающейся двери и ошарашенный голос дворецкого:

▲ – Мируар Шерро?!

Селани. Посреди ночи. Не к добру.

Это была первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я услышала восклицание дворецкого. Следующей стала: «Ой, мама».

Лицо Демаре стремительно утратило выражение «нормальный мужчина», а сам он, видимо, перешел в режим «гангстер классический», потому что у него разве что дым из ушей не повалил. С поразительной проворностью оттолкнувшись от перил, он обошел меня, но тут уже я вцепилась ему в рубашку.

– Куда?! – прошептала еле слышно.

– Пойду... поприветствую старого друга.

– В последний раз вы ему чуть нос не сломали, – рыкнула я все тем же шепотом.

Вероятно, поэтому Селани избегала появляться в доме Демаре, а когда я урвала минутку и попыталась с ней связаться (все от тех же милых соседей, у которых обнаружился звонифон), Шертонэ мне даже не перезвонила (я оставила номер) и не попыталась со мной увидеться (адрес

я тоже оставила). И, честно говоря, ее было сложно винить.

– Судя по всему, намеков он не понимает. – Демаре снова попер вниз, а я с силой вцепилась в перила.

– Ботинки!

– Что?

– Ботинки наденьте! – Я потянула его назад, и на этот раз, он, к счастью, послушался.

Потому что голоса Десмонда и Жужжена стали громче.

– Говорите, что хотите наладить со мной отношения, – прошипела я, утаскивая алмазное величество вглубь коридора. – А ведете себя, как...

– Как кто? – поинтересовался мужчина ну очень опасным голосом, и я решила не перегибать.

– Как тот, кто не хочет, – вышла из положения с достоинством. – В общем, считаю наш разговор исчерпанным и прощаюсь. До завтра, мируар Демаре.

Не успела сделать и шага, как меня снова перехватили за локоть.

– Какие вас связывают отношения?

– Чисто платонические.

– И вы станете меня уверять, что между вами ничего нет?

– Уверять не стану. Но нет, – я отцепила его пальцы от своего локтя.

– То есть он тоже ваш друг? – язвительно поинтересовался Демаре, сверкая глазами.

▲ – Что значит – тоже? – возмутилась я. – Мы с вами пока еще не друзья. Испытательный срок, помните?

Сказав это, развернулась и теперь уже точно направилась к лестнице, на которой нос к носу столкнулась с Жужженом. Он отскочил в сторону, словно я могла его запачкать, а потом снисходительно поинтересовался:

– Где мируар Демаре?

– Обувается, – сообщила ровным голосом.

Обошла дворецкого, у которого отвисла челюсть, и ускорила, потому что судя по настрою Фернана, обуется он очень быстро. И так же быстро прибежит вниз, чтобы продолжить разговор, который в прошлый раз ничем хорошим не закончился. Остается только надеяться, что я успею перекинуться с Селани парой слов. В частности, о том, зачем ее принесло сюда в такое время, и почему не ко мне.

Деслани стояла в холле, сцепив руки за спиной. Раньше Жужжен наверняка проводил бы гостя в гостиную или куда там еще, но теперь приближенная к монарху особа впала в немилость, поэтому ей приходилось ожидать здесь. К счастью для меня. Или для нас.

– Селани! – шикнула я, на бегу надевая туфли, но она не обернулась.

Я бы даже сказала, не отреагировала.

Пришлось чуть повысить голос:

– Сел... кхм. Мирюар Шерро!

На Шерро она отозвалась, повернулась ко мне с таким видом, словно я была маленьким муравейчиком или тараканчиком. Снисходительный взгляд был настолько снисходительным (даже невзирая на один до сих пор слегка подбитый глаз), что я на миг засомневалась в решении Грегуара ее уволить. Может статься, не такая уж и плохая она актриса.

Очень даже может быть.

Я бы даже сказала, наверняка, потому что Селани не стремилась начинать разговор, а продолжала смотреть на меня сверху вниз, видимо, ожидая, что я заговорю первой. Ну да пожалуйста, мы не гордые.

– Ты как? Есть новости? – спросила, шагнув чуть ближе и понижая

голос до едва различимого шепота.

В глазах Шертонэ сверкнуло изумление, мгновением позже сменившись раздражением.

– Простите?

Нет, я все понимаю, Фернан, конечно, ей здорово врезал, но мы теряем драгоценное время. Не дожидаясь, пока вернется Демаре или хотя бы Жужжен, я подхватила Селани за локоть и уволокла в сторону коридора. ▲ Судя по выражению ее-не ее лица, она обалдела так, что даже не подумала сопротивляться, и только на последних метрах резко затормозила. Всей силищей своего уже не новоприобретенного тела.

– Вы что себе позволяете? – спросила резко. – Мирэль... не помню, как вас там?

При этом сверкнув глазами так, что могла посоперничать с Демаре. В эту минуту меня повторно посетила мысль «Ой, мама», а следом за ней: «А-а-а-а-а!». В этом «А-а-а-а-а» маленькая Ира бегала по потолку, потому что...

– Селани? – слабо пискнула я.

– Меня совершенно не интересует, как вас зовут. Если вы собираетесь мне что-то сказать, лучше делайте это прямо сейчас, потому что из-за вас я теряю драгоценное время.

Ик.

Очень некстати вспомнились «Приключения Шурика», и диалог в стиле: «А Селани где?» – «Я за нее!», прозвучал в голове с теми же самыми интонациями.

– Я... в общем, я хотела сказать, что...

На этот раз меня спас Демаре, появившись ну очень вовремя.

– Десмонд.

– Фернан! – к нему повернулись, мгновенно забыв обо мне. – Нам нужно поговорить. Срочно.

Демаре окинул меня пристальным взглядом, но я пребывала в прострации. В глубокой такой прострации, поэтому, видимо, он счел достаточным в свойственном ему стиле скомандовать:

– Машина уже готова, мирэль Тонэ. Симран ждет вас.

После чего резко повернулся на каблуках (то, что он в туфлях, я отметила на автопилоте) и бросил короткое:

– Поговорим в кабинете.

Даже не взглянув на меня, Шертонэ, а если быть точно, теперь уже, кажется, Шермонд, читай, настоящий Десмонд, направился следом за другом. Я же поплелась к двери, в машине вспомнила, что забыла застегнуть туфли, но даже не пошевелилась. Уткнувшись лбом в стекло, смотрела на огни побережья и красоту ночного Мальмара, пытаюсь справиться с охватившей меня паникой и все хорошенько обдумать.

К сожалению, в голову не приходило ничего, кроме «Ой, мама» и «А-а-а-а-а!».

Хотя нет, вру. Там крутился еще один вопрос.

Где, хмарь ее подери, Селани?!

▲ Фернан Демаре

Испытательный срок?!

Дружба?!

С женщиной, рядом с которой просыпаются самые откровенные желания? Которая выводит его из себя только лишь одним своим присутствием? Нет, не присутствием– существованием. Даже знать, что Селани находится в его доме, было невыносимо, но еще более невыносимым было представить, что ее в этом доме нет.

Тот танец все изменил. Будто сорвал предохранитель, сдерживающий его эмоции. Фернан не мог перестать о ней думать. Ни когда работал, ни в краткие минуты отдыха. Селани прочно засела у него в голове. И хмарь ее заberi, если она не думала о нем и не чувствовала то же самое! Иначе бы не сбежала от него босиком и не обходила десятой дорогой. Вот как сегодня. Не пойдй он на хитрость, поступила бы так вновь.

Нет, это пламя сжигало их обоих. И она предлагает им дружить?

Абсурд.

Тот танец... Они словно без слов понимали друг друга.

Но потом случился Десмонд.

Фернан вошел в кабинет и, расположившись в своем кресле, потянулся за сигарой.

— С чем пожаловал?

На языке крутились совершенно другие слова, но Алмазный король сдержался. Впрочем, его тон лучше всего передал отношение Фернана к происходящему. Извинения делового партнера его не интересовали. Если бы не желание узнать, что же все-таки связывает Шерро с мирэль Тонэ, то лететь бы Десмонду с лестницы с подбитым вторым глазом. Но в отличие от Селани, ему Фернан больше не доверял.

— Вижу, ты мне совсем не рад, — заметил бывший друг, располагаясь в кресле напротив.

— Какая пронизательность.

Фернан закурил, но едва не поперхнулся от следующего заявления Шерро.

— Хотелось бы узнать, почему.

Это шутка такая? Демаре ждал чего угодно, но точно не того, что Десмонд начнет изображать идиота. Он, конечно, в последнее время ведет себя странно, но это уже перебор!

— Издеваешься?

— Отнюдь. Насколько я помню, у нас не было причин для ссор.

▲Насколько помню... Видишь ли, Фернан, я не помню ничего, что со мной происходило в последнее время.

Повисла пауза, во время которой Демаре пытался понять, разыгрывают его или нет. Если Десмонд пытался таким образом вернуть хорошие отношения, то выбрал очень странный способ. Но Шерро выглядел серьезным.

— Совсем?

— Совсем, — кивнул Десмонд. — Я очнулся на выходных, избитым и с огромной прорехой в памяти. После чего сразу отправился в больницу.

По словам Десмонда, лучшие специалисты Мальмара полностью обследовали Шерро и сообщили, что удар он, конечно же, получил сильный, но черепно-мозговой травмы не было. Поэтому амнезию вызвало что-то другое, вероятнее всего, стресс и постоянное напряжение.

— То есть мне заявили, что я попросту психанул и, когда мне врезали, все забыл, — объяснил Десмонд с каменным лицом.

Представить психующего Шерро было очень сложно, потому что более спокойного и хладнокровного человека Фернан не встречал. Скорее, сам Алмазный король мог «психануть», а вот бывший друг всегда отличался сдержанностью.

Бывший... настоящий...

Хмарь его разберет.

— Посоветовали побольше отдыхать, а память восстанавливать с

помощью знакомых, с которыми я общался. Поэтому сейчас я пытаюсь все вспомнить. И судя по твоему «теплому» приему, я сделал что-то такое, о чем мне стоит знать.

Фернан отложил сигару и подался вперед, пытаясь рассмотреть на лице Десмонда намек на ложь.

– Как такое возможно?

– Тоже не веришь в версию про стресс? – криво усмехнулся Шерро.

– Вот и я считаю это бредом. Думаю, это магия. Наверняка использовали какой-то сильный артефакт. Оглушили, а потом направляли мою волю и делали все, что им заблагорассудится.

– Для чего?

– Ради кражи. С моих счетов, прямо перед тем, как я очнулся, сняли более чем приличную сумму наличными и золотыми слитками.

Шерро до хруста сжал кулаки, маска сдержанности тоже хрустнула, искажая черты лица и выдавая его ярость.

▲ – То есть это сделал я сам. Но естественно, я об этом ничего не помню. Как и о том, на что потратил три с половиной миллиона бронов.

Фернан едва не присвистнул. Сумма была, мягко говоря, не маленькой. На эти деньги можно было купить особняк в центре и яхту сверху.

– Полисары в курсе?

– Обижаешь! Они как раз прочесывают Мальмар на предмет крупных сделок. Не может же этот мерзавец бегать по городу с мешком банкнот и тележкой золота. Рано или поздно он попадется.

– Он?

– Думаешь, это сделала женщина? – прищурился Десмонд, а Фернана кольнуло дурное предчувствие.

Перед мысленным взором возникла мирэль Тонэ, которую порекомендовал Шерро и за которой он ухлестывал все это время. Все время, что по его же словам был под действием чар артефакта. Когда вел себя очень странно.

– Неважно, – вновь принимая невозмутимый вид, продолжил друг.

– Кто бы это ни был, когда я их достану, им не поздоровится.

Фернан снова потянулся к успевшей остыть сигаре и раскурил ее.

– Что последнее ты помнишь?

– Ужин с Софи, мы отмечали успешное заключение сделки с Куринэ. А очнулся я в прошлый четверг.

Значит, это случилось до того, как он нанял Селани няней девочек. Совпадение, которое Фернану совершенно не нравилось. Ему совсем не хотелось верить в то, что мирэль Тонэ могла оказаться замешанной в аферу с деньгами. Если, конечно, учитывать, что Десмонд говорит правду.

– Слышал о чем-нибудь подобном? – спросил Шерро, отрывая его от мрачных размышлений. – Не об артефактах очарования (у меня от них есть защита), а о таких, что крадут сознание?

– Никогда. Если бы камни с подобным свойством существовали, ими бы владели спецслужбы.

И уж точно таким камнем не могла обладать бывшая актриса и нынешняя няня... Но Селани что-то знала!

Фернан провалами в памяти не страдал, поэтому сознание подкинуло ему воспоминание о разговоре мирэль Тонэ и Десмонда. Точнее, о разговорах: они постоянно общались.

– Так это тебя благодарить за фингал под глазом? – поинтересовался Шерро и ответил на взгляд Алмазного короля кривой усмешкой. – У тебя всегда был хороший удар левой.

– Поверь, ты заслужил, – рыкнул Фернан.

↑ — И чем же?
— Тем, что ухлестывал за няней близняшек.
У Шерро сделалось такое лицо, будто его смертельно оскорбили.
— За кем?!

Не помнил.
Он не помнил Селани.
А Фернан не собирался ему напоминать. Пока не разберется во всем сам.
Прямо сейчас.
— Я опаздываю на встречу, поэтому предлагаю перенести наш разговор. Завтра, в моем офисе. В десять. А сейчас мне пора.

Друга такой расклад не сильно устраивал, но выбора ему никто не предоставил. Фернан сам проводил его до дверей, а после набросил пиджак, захватил ключи от машины и поехал в район, куда Симран каждый день отвозил мирэль Тонэ.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litmarket.ru/valeriya-chernovanova-p106954/books>